

Иван Алексеевич Куратов: творчество длиною в жизнь

Иван Алексеевич Куратов (1839-1875) – первый коми поэт, основоположник коми литературы и коми литературного языка, просветитель, ученый-лингвист. В истории коми литературы и, шире, коми национальной культуры творчество И.А. Куратова – явление огромного общественного и художественного значения. Оно положило начало созданию коми литературной традиции и включения этой традиции в общероссийский литературный процесс. Опыт Куратова поистине уникален – он творил на языке, у которого на это время не было письменности, при этом понимая, что его произведения, возможно, никогда не увидят своего коми читателя. Органично связанный с культурой коми народа, Куратов был воспитанником русской культуры, прекрасно в ней ориентировался, был не только знатоком русской литературы, но и первым переводчиком её шедевров на коми язык. Кроме того, он был осведомлён в области французской, немецкой, английской литератур, проявлял интерес к культурам античности, Востока.

Творчество Куратова не знало периода взросления. Его ранние стихи кажутся не менее зрелыми, чем написанные в поздние годы. Тем не менее сам поэт осознавал этапы своего творческого пути, суммируя их итоги в отдельных тетрадах. Сохранилось восемь таких тетрадей, самая большая из которых назовётся *Коми гор* – «Голос коми» и содержит порядка 100 произведений. Как отмечает составитель сборника стихотворений поэта Е.С. Гуляев, на сегодняшний день известно более 200 произведений Куратова¹. Кроме того, им написаны статьи и заметки по гуманитарным и естественным наукам, публицистика, а в последнее время были опубликованы и некоторые материалы его следственных дел², представляющие не только научный, но и большой художественный интерес. Поэзия Куратова многожанровая и тематически разнородна. В ней нашлось место любовной, гражданской и философской лирике, элегиям, стихотворениям сатирического содержания, эпиграммам, магистральная тема его поэзии – жизнь простых коми людей, в то же время не менее важное место занимает тема смерти или, вернее, конфликта между жизнью и смертью, между личным и сверхличным, Богом. Кроме того, на протяжении всей своей жизни Куратов занимался переводами русской и зарубежной классики на коми язык, писал стихотворения для детей, делал литературные обработки фольклорных произведений. Мало изучены с точки зрения литературности материалы его следственных дел, но представляется, что они содержат немало приятных сюрпризов для исследователя-литературоведа. При всём этом творческое наследие Куратова имеет внутреннее единство. Это единство обеспечивается личностью самого поэта, его отношением к изображаемому, никогда не бывающим нейтральным. Голос поэта слышен в каждом из его произведений, к какому бы жанру они ни относились, какую бы тему ни затрагивал автор. Вместе с тем голос поэта – это голос коми народа, явленный через него, и Куратов это осознавал. Поэтому он озаглавил свою самую большую тетрадь *Коми гор* – «Голос коми», очевидно, предполагая, что так должна быть названа книга его стихотворений.

Иван Куратов родился 6 июля 1839 года и был девятым ребенком в семье дьякона Спасской церкви села Кибра Алексея Петровича Куратова. Традиционно дети в семьях священнослужителей выбирали стезю отца, и семья Куратовых в этом не была исключе-

¹ Гуляев Е.С. Водзкыв (Предисловие) // Куратов И.А. Менам муза. Художественной гижод чукор (Моя муза. Сборник художественных произведений). Сыктывкар, 1979. С. 11.

² См.: В.И. Мартынов. Предисловие // И.А. Куратов. Ты бесконечна, жизнь. Сыктывкар, 1988. С. 6.

нием: шестеро сыновей закончили духовную семинарию в г. Вологде, а дочери – вышли замуж за священников (одна из них, Наталья, умерла в возрасте 3-х лет). Отец семейства, Алексей Петрович, скончался, когда Ивану было семь лет. Детей поднимала мать, Екатерина Ивановна Куратова (урождённая Горинова), она же и отвезла 9-летнего Ивана в 1848-м году в церковно-приходское училище г. Усть-Сысольска, а после окончания второго класса в 1850-м году – в духовное училище г. Яренска. Курс обучения в духовных училищах России составлял четыре года и включал основные предметы светского и духовного характера, при этом большое внимание уделялось занятиям по словесности. К яренскому периоду жизни Куратова относятся и его первые стихотворные опыты. В автобиографических записках он пишет, что А.И. Гугов³ начал писать стихи с 13-ти лет, когда ещё с трудом осваивал русский язык. «Но он писал по-зырянски, причём употреблял Стефановскую азбуку (по Савваитову), чтобы ... не подвели под розгу, вычитавши воспеваемую им любовь»⁴. Переписанные кириллицей в возрасте семнадцати лет, по словам самого Куратова, эти стихи составили тетрадь «Немас удж» (Вот тоже работа)⁵, однако в сохранившейся одноимённой тетради тех ранних стихов нет⁶. Учащийся Иван Куратов был на хорошем счету, как следует из характеристики «поведения весьма благонаправленного, способностей весьма хороших, прилежания и успехов весьма хороших»⁷. После окончания духовного училища в 1854 году он был переведен в Вологодскую духовную семинарию и был принят на полное казённое содержание. Это значит, что Куратов обеспечивался общежитием и получал денежное пособие 20 рублей в год. Курс семинарии включал помимо специальных духовных предметов и светские дисциплины. Уделялось много внимания изучению древних языков – греческого и латыни, кроме того, Куратов самостоятельно изучал французский и немецкий языки. В семинарии с 1843 года работал класс зырянского языка, инициатором создания которого был П.И. Савваитов, член-корреспондент Российской Академии наук, в разное время занимавший должности профессора Вологодской семинарии и Санкт-Петербургской духовной академии. Он же был и автором первой грамматики зырянского языка, в «Прибавлениях» к которой были опубликованы собранные братом И.А. Куратова Василием коми свадебные причитания (Бёрданквьёяс)⁸. В период обучения И.Куратова куратором «зырянского класса» был А.И. Попов (1815-1886), преподававший в семинарии латынь, зырянский язык, всеобщую гражданскую историю, риторику и священное писание. А.И. Попов, уроженец Усть-Сысольского уезда, был достаточно образованным человеком, окончившим Вологодскую семинарию (1838 г.) и Московскую духовную академию (1842 г.). Не исключено, что А.И. Попов и инициировал поэтические опыты семинаристов – в Московской духовной академии, которую он закончил, кроме изучения обязательных предметов поэтики и риторики, семинаристы должны были и сами писать стихи⁹. Очевидно, подобные опыты поощрялись руководством Вологодской семинарии, проводившим целенаправленную политику по подготовке священников из зырян, способных служить на коми языке и переводить на коми язык богослужебные тексты. Из стихотворений Вологодского периода сохранилось только порядка двадцати произведений, среди них программные для этого периода «Съслан меям, съслан» (Песня моя, песня), «Коми кыв» (Коми язык), «Морт олём» (Жизнь человека), «Нимтём поэма» (Поэма без названия), неоконченная поэма «Пама» и др., переводы на коми язык Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Фета, Беранже, Бёрнса, Гейне и др. Ранние

³ А.И. Гугов – литературный псевдоним поэта, образованный по принципу анаграммы: А.И. – И.А., Гугов – производное от коми *гуэ* – «обратная сторона, изнанка». Гугов – «оборотный, другой», т.е. литературный двойник Куратова.

⁴ И.А. Куратов. Ты бесконечна, жизнь / Сост. В.И. Мартынов. Сыктывкар, 1988. С. 88.

⁵ Там же. С. 89.

⁶ Самое раннее стихотворение из этой тетради датировано 1856 годом.

⁷ Фёдорова А.Н. И.А. Куратов. Очерк жизни и творчества. Сыктывкар, 1975. С. 19.

⁸ Куратов И.А. Указ. соч. 1988. С. 10.

⁹ Клейн И. Пути культурного импорта / Труды по русской литературе XVIII века. М.: Языки славянской литературы. 2005. С. 159.

стихотворения Куратова характерны образом творения *новой коми песни*, которую поэт создаёт и передает как по эстафете идущим вслед за ним поэтам. Поэт находит нужные слова для *новой песни* «среди своих земель, лесов, рек, своих нищих деревень, в разговорах с парнями и девушками» (*Виль съыланкыв* – «Новая песня», 1860); он желает «вырастить ее в своем сердце» (*Съылан, меям съылан* – «Песня, моя песня», 1860). Куратов юношеского периода всматривается в себя, он ищет свой жизненный путь, так, в стихотворении *Морт олӧм* – «Жизнь человека» он пишет, что если не выйдет из него поэт, то пусть будет и плотник, архиерей, офицер – всё равно, кем быть, открыты все дороги, только бы не стать ничтожеством: «*Если не выйдет // Из меня поэт, // Пусть не выйдет из меня и пономарь, // Наглый, бесстыжий...*». Вместе с тем он пробует свои силы и в крестьянской тематике, старик из стихотворения *Пӧрысь морт* – «Старик» (1859) в этом смысле является предтечей той галереи крестьянских образов, созданных поэтом в более зрелые годы.

Среди прочих выделяется драматическая поэма «Пама», посвящённая событиям крещения коми народа Стефаном Пермским. Согласно первоначальному замыслу сюжет поэмы строился в соответствии с основным литературным и историческим источником этой эпохи – сочинением Епифания Премудрого «Слово о житии св. Стефана Пермского», и главным героем поэмы должен был стать креститель коми народа Стефан Пермский. Однако в процессе работы над поэмой Куратов выдвигает на передний план образ главного противника христианизации – языческого жреца Памы, который остается верен своему долгу, предпочтя изгнание, но не предательство веры и обычаев отцов. Привлекательность образа Памы как национального героя, в первую очередь, обусловлена тем, что за ним стоит тайна исторического прошлого коми народа, ассоциирующегося с архетипом Золотого века, когда, как утверждает старый волхв-сотник в сочинении Епифания, многие боги были милосердны и давали людям в избытке всякого улова, всего, что было в лесах, в водах и воздухе. В этой романтической концепции Куратова тема противостояния Стефана и Памы в связи с крещением коми народа в определенный момент из исторического плана поднимается до уровня космической идеи, соотносящей судьбу коми народа с жизнью вселенной. Как романтический герой, Пама – мистик, которому раскрыты божественные тайны, недоступные остальным людям, – он связан с высшим миром через Войпеля, верховного бога коми пантеона. Именно Войпель раскрывает Паме истинное положение вещей: трагедия Памы, причина его поражения скрыта в высшем божественном решении, не подвластном человеческому обсуждению. Пама посвящен в тайны вселенского миропорядка, он узнаёт от Войпеля, что время древних коми богов ушло и что по воле высшего бога наступает новая эпоха, но признать и принять ее – значит отрешиться от бесконечно дорогого ему мира, освященного памятью предков, а этого он не может сделать. Пама вступает в конфликт не только с христианством, которое несет Стефан, но и с волей своих, языческих богов, а также и с волей своего народа, принимающего новую веру. В этом трагизм Памы, который в своем противостоянии новому мироустройству обречен на тотальное одиночество и вечное осуждение. Значение этой неоконченной драматической поэмы и в том, что Куратовым впервые был поставлен вопрос о национальном характере, национальном герое.

Окончание Вологодской семинарии приходится на июль 1860-го года. Есть сведения, что Куратов получил направление в Московскую духовную академию для дальнейшего обучения, в «Некрологе» пишется, что ему не удалось окончить академического курса из-за «возникших в начале 60-х гг. волнений в высших учебных заведениях»¹⁰, однако документальных подтверждений учёбы в Академии пока не найдено. В 1861 году Куратов приезжает в Усть-Сысольск и с первого апреля уже служит учителем первого класса в Усть-Сысольском церковно-приходском училище. На этой должности Куратов проработал до 1865 года, вплоть до своего увольнения и перевода в г. Казань, на службу по военному ведомству.

¹⁰ Иван Алексеевич Куратов. Некролог // Куратов И.А. 1988. С. 145.

Для поэтического творчества Куратова усть-сысольский период жизни был исключительно плодотворным. Окончательно формируется концепция крестьянской темы, – безусловно, под влиянием поэзии Кольцова и Некрасова, но без магистрального для Некрасова мотива страдания народа. В стихотворениях Куратова предстаёт опозитизированный мир коми крестьян, воспроизводится мироощущение этих людей, их жизненная философия. Содержание этих стихотворений разнообразно, но всегда в основе конфликта, определяющего развитие сюжета, лежит некая жизненная ситуация, в которой оказывается его герой. В разрешении этой ситуации раскрывается характер героя, его конкретная человеческая судьба. Куратов скорее новеллист, чем лирик, изображая сцены крестьянской жизни, он использует методы реалистической прозы, поэтому его стихотворения зачастую сюжетны, нарративны, он точен в бытовых деталях, этнографичен. Можно выделить два типа стихотворений крестьянской темы. Во-первых, это стихотворения-истории, такие как *Пёрысь морт* – «Пожилой человек» (1859), *Пёрысь ныв* – «Старая дева» (1862), *Грездса ныв, карса баринлы* – «Деревенская девушка и городской барин» (1862), *Гёлъ зон* – «Парень-бедняк» (1864), *Синтём пёлё* – «Слепой старик» (1866), *Корысь* – «Нищий» (1865), более поздние: *Пёч* – «Старуха» (1866), *Пёрысь олём* – «Жизнь старика» (1870) и др., сюжет которых строится как монолог героя о себе, о своей жизни. Во-вторых, это такие стихотворения, как *Видзёд, эстён жырыс* – «Посмотри, эта горница...» (1864), *Коми бал* (1865), *Закар ордын* – «У Захара» (1867), где Куратов как бы отстраняется от конкретных судеб и показывает крестьян именно как общество, как мир. Для этого Куратов выбирает типовые ситуации гостевания или деревенских посиделок. Эти ситуации характерны тем, что все деревенское сообщество: молодые, старые, дети, богатые или бедные – собирается под одной крышей, в одной избе. В контексте поэтической системы Куратова изба приобретает символику всего мира крестьянской общины, крестьянского космоса. Вход в избу равнозначен рождению, а выход – смерти. Поэтому в стихотворении «Коми бал» описание происходящего в избе начинается с общих слов о том, что любой вошедший на «коми бал» (посиделки) уважаем здесь и любим, а первым зримым образом является плачущий на руках матери ребенок. Далее кинематографически детально и последовательно следуют образы сидящих на полатах и на печи детей, затем – поющих и пляшущих в середине избы молодых людей, и в углу под полатами – одинокая старуха, которая, выпив вина, притоптывает в такт пляшущим. В разворачивании образов гостей от «младенцев» к «старикам» угадывается идея движения поколений, движения человеческой жизни от рождения к смерти. Движение это абсолютно и необратимо. Выпившая старуха вдруг выходит в центр пляшущей молодежи и пытается спеть, как в молодости, но ноги ее не держат и из горла вместо песни вырывается плач.

В усть-сысольский период жизни в поэзии Куратова начинает звучать и гражданская нота. 1865 годом датировано большое стихотворение *Йёгралы* – «Ханту», в котором поэт поднимает проблему необходимости просвещения малых лесных народов, таких как ханты. Просвещение, знания сравниваются с эпидемией, болезнью, которой сначала переболеет коми народ, а вскоре она захлестнёт и Урал. Вопрос в том, нужны ли болезни просвещения – теология, гуманизм, романтизм, байронизм, космополитизм, пессимизм и прочие «гнилые измы» Старой Европы людям природы? Куратов считает, что и ханты выйдут на дорогу, по которой уже идут просвещенные народы, но в поисках этих «измов» не потеряют ли они своё исконное счастье? Тем не менее усть-сысольский период характерен преобладанием в нём просветительского начала. В своих заметках Куратов пишет: «Когда есть народ, то ему нужно образование; познания же можно передать через его же язык...; он теперь-то и есть единственный орган распространения знаний между зырянами»¹¹. В эти годы Куратов работает над составлением грамматики коми языка и в

¹¹ Гуляев Е.С. Водзкыв (Предисловие) // Куратов И.А. Менам муза. Сыктывкар, 1979. С. 7.

рамках этой работы публикует цикл статей «Зырянский язык» в «Вологодских губернских ведомостях», а также рецензирует «Грамматику» П. Савваитова.

В то же время удушающая атмосфера захолустного провинциального городка, запутанные личные отношения, отсутствие перспектив в писательском творчестве, не говоря уже о перспективах научного и карьерного роста, вызывают сильнейший душевный кризис Куратова. 29 декабря 1864 году Куратов подаёт прошение на имя Вологодского епископа об определении его на учёбу в училище военного ведомства г. Казани для получения аудиторского звания. Очевидно, что в сложившейся ситуации учёба в Казани для Куратова – это единственный способ вырваться из удушающей его обстановки, продолжить образование, сделать карьерный рывок и увидеть мир. Прошение Куратова было удовлетворено, правление Вологодской семинарии вынесло решение об освобождении его с должности учителя, а 11 июля 1865 года вышел приказ о назначении Куратова на службу в штаб Казанского военного округа¹². Выехать к месту службы Куратов смог только в начале октября 1865 года, этому предшествовали томительные недели и месяцы ожидания. Смятение, которое царило в это время в душе поэта, выразилось в цикле стихотворений, лейтмотивом которых звучит жажда свободы, пусть даже ценой гибели всего мира. Это стихотворения *Со бара немьд лолын лоис* – «Опять в душе моей темно» – в русском и коми вариантах, *Сампсон* – «Самсон», в которых лирический герой Куратова призывает на помощь апокалипсические силы, способные и очистить душу, и разрушить мир, погрязший в бездуховном мраке:

*Желал бы я, чтобы луна
Была от глаз удалена
За край вселенной, чтобы в сечах
Кровавых ангелы себя
Рубили, чтобы неба своды
Свалились на землю, губя,
Как под ловушкой мышь, народы...* (Опять в душе моей темно... 1865)

Образы для этого стихотворения Куратов находит в основном в Библии¹³, что касается стихотворения *Сампсон* – «Самсон», то его сюжет целиком взят из известной ветхозаветной легенды о пленённом врагами богатыре. Как раз в середине XIX в. на почве русской литературы появляется стихотворная версия легенды в изложении Н.М. Языкова «Самсон» (1848), а немного позднее – перевод стихотворения Г. Лонгфелло «Предостережение», сделанный М.Л. Михайловым¹⁴. Общим местом для этих произведений является обобщённо-символическая трактовка образа Самсона: в стихотворении Г. Лонгфелло и в переводе М. Михайлова – это «взбунтовавшийся тираноборец, народный заступник»¹⁵, а в стихотворении Н. Языкова – гигант, сурово мстящий за предательство. Созданный по этим образцам, Самсон Куратова – это плененный поэт-бунтарь, восставший против рутины обывательского мира. В этом контексте ослепление Самсона противопоставлено слепоте толпы, не увидевшей и не признавшей его поэтического таланта, в то же время суду толпы противопоставлен суд Самсона, разрушающего дворец-мир. Звучащие из-под руин слова: «Дорогу талантливым!» – это предупреждение обывательскому миру о вселенском предназначении поэта, его неподсудности неправедному суду толпы.

Тема «Поэта и толпы», как отмечает Г.И. Тираспольский, объединяет рассмотренные произведения со стихотворениями «Усть-Сысольск» и «Прощание», датированными

¹² Фёдорова А.Н. Указ. соч., 1975. С. 88-89.

¹³ См.: Тираспольский Г.И. Эхо пушкинской лиры. Сыктывкар, 1999. С. 130-131.

¹⁴ Тираспольский Г.И. О творческой истории стихотворения Куратова «Самсон» // Куратовские чтения. Сыктывкар, 1990. С. 89-93. 1990. С. 89-93.

¹⁵ Там же. С. 91.

этим же годом¹⁶. Написанное в жанре инвективы стихотворение «Усть-Сысольск» – это сатирическое обличение всего того негатива, в котором жил поэт и с чем так и не смог примириться. Уже первые строки стихотворения должны активизировать в сознании читателя образ той унылой действительности, которая окружает поэта со всех сторон:

*Город пошлый, город грязный!
Заместил твои концы
Сброд какой-то безобразный
Подлецы всё да глупцы!*

Этнографическая конкретика сообщает достоверность городским чертам, в восприятии поэта эти черты имеют вид жалкий и убогий: город изначально «мал и неказист», при этом он имеет черты тления, гнили – «словно ты, харчок, нечист»; на домах растёт гриб, скользкие «мостки» и т.п. Толпа или «сброд» также имеет конкретные лица: это полицмейстер Левицкий, некий «Борька», Епальский, следящие за тем, чтобы город не менялся, поэтому они «строят траншеи» «науке и уму» или «давят ярмом» таких, как поэт. По эмоционально-психологическому настрою этому произведению близко стихотворение *Пемыд* – «Тьма» (1865), написанное в форме аллегории. Мир, в котором живёт поэт, показан в процессе завоевания его тьмой, силами зла, и этот процесс исторический, движущийся от неких неопределённых в прошлом времен, когда на землю пала тьма, через время, синхронное лирическому герою, – к грядущему апокалипсису, после которого наступит долгожданное царство добра и света.

К месту своей службы в штаб Казанского военного округа Куратов прибывает 20 октября 1865 года. Здесь, в училище военного ведомства, он получил специальное юридическое образование и через год был рекомендован на должность полкового аудитора в Туркестанский военный округ. В плане творчества казанский период жизни для Куратова характерен интенсивностью поисков новых направлений. С одной стороны, в поэзии продолжается и получает дальнейшее развитие крестьянская тематика, с другой стороны, в его стихотворениях появляются новые, нехарактерные для раннего творчества элегические мотивы, сатирические произведения, эпиграммы, лирика гражданского и любовного звучания. Тема крестьянского мира раскрывается в стихотворениях *Синтём пöльö* – «Слепой старик», *Пöч* – «Старуха», *Шудтöмяс* – «Несчастные»; в небольших любовных стихотворениях *Зевс! Тэ ас вылö коль менö* – «Зевс! Оставь меня», *Тэкöд доньясьны* – «С тобой торговаться», *Эг лöсявлö* – «Ссора» и др. поэт будто бы продолжает лирический диалог с Сандрой (Александрой Поповой), оставшейся в Усть-Сысольске, в то же время появляются лирические размышления о жизни и смерти: *Турöб* – «Метель», *1866 во петигöн* – «Уходящему 1866 году», *Дзёбаньнын* – «На кладбище». В Казани Куратову впервые открылся Восток, и он не мог пройти мимо шедевров мусульманской культуры. Сохранились его переводы II и XIX сур Корана, двух стихотворений Рудэки. В то же время Куратов переводит на коми язык стихотворения Пушкина, Кольцова, Сырокомли, Шиллера, Гейне, Эндрю Парка и др. 1866 год был также знаменателен и тем, что в «Вологодских губернских ведомостях» была опубликована статья Куратова «Зырянские песни», в которой автор поместил пять своих стихотворений под видом коми народных песен. Статья была подписана буквой *К*, очевидно, инициалом самого Куратова. В этом же 1866 году было написано и стихотворение *Менам муза* – «Моя муза», которое традиционно определяется исследователями как обоснование Куратовым своей поэтической декларации¹⁷.

Стихотворение начинается заявлением: *Менам муза – абу вуза!* – «Моя муза не продаётся!». В интерпретации литературоведов эти слова стали символом неподкупности

¹⁶ Там же. С. 96.

¹⁷ Фёдорова А.Н. Указ. соч. 1975. С. 103.

музы Куратова, «её верности правде, реализму»¹⁸. С этим можно согласиться, но не следует забывать и о том, что Куратов писал свои стихотворения без надежды на то, что они когда-либо будут напечатаны и тем более прочитаны народом, к которому он обращался на его родном языке. «На базар стихи не посылаем, Покупателей ждать боимся...»¹⁹. Под базаром имеется в виду тот литературный рынок, когда профессиональный писатель имеет возможность издавать свои произведения, а читатель – их покупать. Беда Куратова в том, что не существовало соответствующего литературного рынка или, лучше, литературной жизни, в которой он мог бы реализоваться как коми поэт. Находясь в Усть-Сысольске Куратов собирал сведения о пишущих на коми языке, но найденные им произведения коми авторов, по его признанию, были настолько мало художественны²⁰, что никак не могли стать основой для зарождающейся коми литературы. Эти поиски только убедили его в том, что пока он единственный коми поэт. Возможно, в связи с этим Куратов создает образ своего литературного двойника *А.И. Гугова*, приписывает ему факты своей биографии и записывает часть своих стихов в отдельную «Тетрадь Гугова». Любопытно, что в набросках статьи о коми поэтах Куратов, в основном негативно оценив художественность стихов ряда авторов, оценивает положительно только произведения Гугова и свои²¹. Муза такой же двойник Куратова, как и Гугов. Как отмечает Г.И. Тираспольский, новаторство Куратова в том, что его муза наделена «осзаемой телесностью» и «шокирующе прозаична», тогда как у его литературных предшественников муза не более чем абстрактный символ²². Муза поэта – его собеседник и цензор, над «фальшью», услышанной в стихотворении, они посмеются вдвоём, а тетрадь с этим стихотворением пойдёт на растопку камина. Поэтический манифест, таким образом, составляется Поэтом совместно с Музой: «Скоро мы возьмем сильнее тему, // Чтоб поэма // Показала ханжу, // Надевающего ветхие одежды, – // Паразита, стоящего над людьми, // Красного от человеческой крови, – // И хороших людей, // Живущих в голоде и в холоде, // И ждущих счастья только на том свете...». Таким образом, Куратов и Муза определяют направление своего творчества на обличение пороков общества, раскрытия природы зла, противопоставляя их настоящим, но униженным человеческим ценностям.

Действительно, в казанский период Куратов пишет ряд стихотворений обличительного характера, причём не только на коми, но и на русском языке: *Вётъяс – «Сны», Гырысь йёз олмысь – «Из жизни больших людей», Быдтор керан йёзысь гусьён – «Всё ты делаешь от людей тайком», Генерал! Тэ ов и югяв! – «Генерал! Ты живи и блистай!», «Новости», «Вдова», «Поминки», «К остяку» и др. Это сатирические произведения, задача которых не только обнажить пошлость скрытого от глаз мира власть имущих, но и замаскированную мелочность обычных мещан. Очевидно, что обличительные темы, заявленные Куратовым в стихотворении *Менам муза – «Моя муза»* и воплощенные в сатирическом цикле, звучат злободневно и сегодня, однако они не только не исчерпывают всего диапазона поэтического творчества коми поэта, но даже отражают только один из аспектов его литературной позиции.*

Осенью 1866 года заканчивается срок обучения в училище, и Куратов направляется в город Семипалатинск аудитором в штаб седьмого Западно-Сибирского батальона под начало военного губернатора Г.А. Колпаковского. Должность полкового аудитора, введённая в 1716 году Петром I, предполагала исполнение обязанностей следователя, прокурора и секретаря военного суда, и Куратов справлялся с ней успешно. Уже через полгода приказом от 9 марта

¹⁸ Дёмин В.Н. Под кронами сосен. Сыктывкар, 1989. С. 15. См. также: Фёдорова А.Н. Указ. соч. С. 103; Ванеев А.Е. В поисках истины. Сыктывкар, 1989. С. 124.

¹⁹ Здесь и далее подстрочный перевод стихотворений И.А. Куратова выполнен автором статьи.

²⁰ Куратов. И.А. О коми литераторах // Куратов. И.А. Ты бесконечна, жизнь / Сост. В.И. Мартынов. Сыктывкар, 1988. С. 8.

²¹ Там же.

²² Тираспольский Г.И. Указ. соч. 1999. С. 237.

1867 года Г.А. Колпаковский назначает его на должность обер-аудитора штаба войск Семипалатинской области²³, т.е. фактически молодой Куратов в этот период возглавляет всю аудиторскую службу военного округа. В октябре 1867 года Г.А. Колпаковского назначают военным губернатором Семиреченской области, и естественно, что в укрепление Верный (будущий город Алма-Ата) он переводит из Семипалатинска свою команду, в числе которой был и обер-аудитор И.А. Куратов. Так что уже в конце декабря 1867 года он приступает к обязанностям аудитора в 11 Туркестанском линейном батальоне в укреплении Верном.

Семипалатинский период творчества стал для Куратова временем перелома. С одной стороны, он продолжает крестьянское направление своей поэзии, к этому времени относится лучшее произведение этого цикла – стихотворение *Закар ордын – «У Захара»*, к сожалению, сохранившееся не полностью, а также небольшая поэма *Кулём том мортлөн – «Смерть молодого человека»*, а с другой стороны, крестьянская тема перерастает в размышления о Родине, Коми земле. В стихотворении *Шонді йлысь – «О солнце»* Куратов ставит вопрос о том, что преобразовать Коми землю, сделать её плодородной, чтобы «солнце своими лучами помогало пахарю собирать хлеб» – нужно ежедневно трудиться, не жалуясь на скупость северного солнца, а в других стихотворениях уже слышен мотив оторванности от Родины, тоски о Родине. Куратов создаёт стихотворения элегической тональности: *1867 волы – «1867-му году»*, *Восьса õишь дорын пукалӣ – «Возле открытого окна я сидел»*, *Тулыс – «Весна»*, *Õтпыр зэв мем дзугыль лоис – «Однажды стало мне очень грустно»*, *Õнӣ сõмын тӣ! Ме оз! – «Теперь только вы! Не я!»*. Переживания лирического героя связаны с чувством одиночества, вызванного разлукой с родной землёй, с родными людьми, его тревожит неясность будущего. Трагедия Куратова заключалась и в том, что он родился коми поэтом, писал на коми языке и, будучи оторванным от коми окружения, вынужден был писать как бы для себя или для возможного будущего коми читателя. Одиночество в мире людей – неперенный атрибут концепции поэта, в случае Куратова оно усугубляется тем, что *голос поэта* может слышать только он один, поскольку поэт и окружающие его люди говорят на *разных* языках. В элегических стихотворениях уже отчётливо звучат нотки пессимизма, жизнь не предлагает лирическому герою радостей бытия, да и сам он ждёт от жизни только новые скорби. Появляется новый, не свойственный прежде мотив – предчувствие смерти, причём смерти ранней. Смерть не страшит лирического героя, он принимает её как закономерное завершение безрадостной судьбы:

*Когда откроется мне гроб,
Войду, ничто меня не остановит...* (1867-му году)

К середине 1867 года художественные искания Куратова сосредоточиваются вокруг главной для его зрелого творчества темы – темы смерти. Тема для Куратова вроде бы не новая, поэт не мог её миновать в стихотворениях крестьянского цикла, поскольку для мира крестьян смерть является закономерным завершением жизненного круга. По отношению к крестьянскому миру поэт находится в позиции наблюдателя, он видит его со стороны и только констатирует признаки, которые присущи смерти: уныние, болезнь, старость, одиночество (предельное одиночество – это могила: *быд ас гуõ водас – «каждый ляжет только в свою могилу»*) – в противоположность таких признаков жизни, как веселье, здоровье, молодость и единение в общине. В зрелом творчестве меняется позиция лирического повествователя, теперь он сам принимает участие в противостоянии жизни и смерти, он уже обладает знанием о смерти, и это знание позволяет ему понять и оценить самую глубину жизни.

Первым произведением, в котором Куратов обращается к теме смерти, является стихотворение *Дзеванинын – «На кладбище»* (1866), представляющее собой реми-

²³ Ивлев Н.П. Куратов в Казахстане. Сыктывкар, 1981. С. 14.

нисценцию известной сцены на кладбище из трагедии В. Шекспира «Гамлет». Лирический герой Куратова, как и Гамлет, противопоставляет нынешнюю посмертную пустоту черепа прежней живой полноте головы, полной мыслей. Но если для Гамлета череп – это повод для рассуждений о превосходстве смерти над жизнью, то лирический герой Куратова размышляет о том, что мысли, когда-то наполнявшие эту голову, теперь уже устаревшие, все ещё веют из пустого черепа, а живые до сих пор «едят» их заплесневевшие остатки. Ироничное по форме, это стихотворение Куратова уже содержит концепцию трагического диалога с жизнью, который возможен, только если сам лирический герой находится где-то на границе между жизнью и смертью.

Тема смерти объединяет в один цикл ряд стихотворений, написанных в разное время, но в основном уже после 1867 года. *Это Оти бур олём* – «Одна хорошая жизнь» (1867), *Ой, олём, олём!* – «Эх, жизнь, жизнь!» (1867), *Со кызд сийёс төда ме...* – «Вот так его я знаю...» (1867), небольшая поэма *Кулём том мортлөн* – «Смерть юноши» (1867), *Брамин кулан водзвылас* – «Брамин перед смертью» (1870), *Важся коми войтырлөн кодралём* – «Поминки древних коми» (1875) и некоторые другие. Особенностью этих стихотворений является характерная для философской лирики направленность на всечеловеческое в предмете изображения. Образ смерти присутствует и в других стихотворениях Куратова, но в их основе лежит интерпретация неких биографических фактов самого поэта, его личной грусти, не возвышающейся до всеобщего, философского уровня. Это не значит, что Куратов предельно дистанцирован от изображаемого, напротив, его позиция зачастую крайне эмоциональна. Примером такой позиции поэта является стихотворение *Ой, олём, олём!* – «Эх, жизнь, жизнь!», построенном в форме диалога с жизнью. Конечно же, имеется в виду Жизнь вечная (Ин. 17, 3), всемирная жизнь, краткий отрезок которой дано прожить лирическому герою. Обращаясь к Жизни, поэт говорит, что с каждым прожитым днем жизнь становится ему дороже: *«Мы не будем с тобою спорить, // Ты оставайся, а я уйду...»*. Жизнь «остаётся» в вечном циклическом движении природных форм, обновление которых происходит через их смерть, тогда как «уход» лирического героя, т.е. его смерть, означает исчезновение его личности. В этом трагизм человека в отличие от всей остальной природы осознающего свою смерть как смерть своей индивидуальности. *«Ты, Жизнь, счастлива вечностью // И когда-нибудь станешь лучше... // И почему моя самая нелюбимая тема // Всегда «смерть», ты понимаешь»*. Смерть, конечно же, «нелюбимая тема», но именно она определяет цену и смысл жизни, поэтому к ней обращается поэт наиболее часто.

Ощущение краткости земной жизни, хрупкости человеческого существования лежит в основе поэмы *Кулём том мортлөн* – «Смерть юноши». Центральным событием, вокруг которого строится сюжет поэмы, являются похороны юноши. Композиционно стихотворение делится на три части. Лирический герой стихотворения, поэт, по воле случая оказывается на месте события. В зачине стихотворения поэту «слышится» в пении дьяка в церкви голос самого умершего юноши: умерший говорит, что смерть его «придушила, чтобы не мог сказать ни слова живым». Умерший юноша сетует на то, что еще недавно он на посиделках «сидел рядом» со своими сверстниками, жил с ними одними заботами, разговорами, пожеланиями долгих лет и богатства, но смерть все это перечеркнула. Она прожгла грудь, остудила кровь, лишила речи, «подвела, как углем, синие круги под глазами и сдула красоту с лица». Теперь здесь находится только тело, «как будто и не жил рядом с вами!» В монологе умершего *единство* живых представлено как высшее благо, по сравнению с *одиночеством* его холодного тела, с одиночеством смерти. Вместе с тем подчеркивается эфемерность этого единства, которое в любую минуту может нарушить смерть. Заканчивается монолог обращением к живым: *«Встаньте рядом со мной, // Проводите меня... // Пока остаётся, а будем // когда-нибудь и вместе!»*, противопоставляющим недолгую *единство* живых будущее *единство* в вечности. Во второй части стихотворения

вошедший в церковь лирический герой принимает непосредственное участие в прощании с умершим, разговаривает с его матерью. В этом разговоре раскрывается трагедия семьи, лишившейся единственного кормильца. Безвременная кончина юноши фактически обрекает его родителей на полуголодное существование и скорую смерть. В заключительной части поэт вместе с другими участниками похоронной процессии провожает гроб с телом юноши на кладбище и вдруг видит вокруг себя картину расцветающей весенней природы: «А тогда весна // Только еще начинала // Оживлять то, что (когда-то) умерло. // И что уже стерлось (исчезло), // Омыть дождем, // Чтобы покрыть новым узором...». В картине обновляющейся природы поэт угадывает параллель описанным трагическим событиям: жизнь человека – это лишь мгновенье всемирной жизни и со смертью в ней навсегда растворяется то личностное начало, которое и составляло его Эго.

Пожалуй, наиболее полно тема смерти, как растворения личного человеческого бытия в сверхличном бытии Жизни вечной, Бога, раскрывается в стихотворении *Со кыдз сийӧс тӧда ме...* – «Вот так его я знаю...». В рукописи оно не озаглавлено поэтом, и, как правило, в качестве названия используется его первая строка. С точки зрения развития сюжета стихотворение строится как перифрастически зашифрованное описание некоего явления, или «логическая операция определения, или дефиниция»²⁴. Самому явлению поэт не дает названия, это послужило причиной возникновения версии скрытого под местоимением «сийӧ» (личные местоимения в коми языке не имеют показателя рода) образа природы в сугубо позитивистском значении материи, бытия²⁵. Представляется, что, строя свои размышления по принципу дефиниции, поэт отображает не все, но определяющие свойства Бога. Самым существенным среди них, по мнению поэта, является молчание. На протяжении стихотворения это качество трижды им повторено: в первой и предпоследней строфе дословно «Олӧ чӧв ӧтторъя» (пребывает постоянно в молчании), но во втором случае с восклицательной интонацией и в самом конце – «пыр чӧв олӧ» (всегда молчит). Молчание воспринимается не только в качестве сквозного, постоянного признака описываемого явления, но и признака родового, вмещающего в себе все остальные. Поэтому закономерно, что в серединной части текста оно раскрывается через более частные компоненты – как бы составные части молчания. Таким образом, все компоненты стихотворения обеспечивают единую художественную задачу – выразить свое знание о Творце через сопоставление Его свойств с человеческими. Любое рассуждение о Боге предполагает некое размышление о том, что находится за пределами понимания человека, поэтому Куратов, не называя Его общепринятым словом Ен – Бог, намеренно использует в стихотворении апофатический богословский метод, предполагающий постижение Божественной сущности через отрицание определяемых качеств. Все отрицаемое поэтом в результате оказывается неприменимым к образу Бога и находится в плоскости человеческой жизни. Остаются некоторые постоянные эпитеты, такие как бесконечность, свет, красота, определяемые в богословии как имена Бога, а также образы бессмертия, абсолютного равнодушия, явленные через емкую метафору «непостижимого молчания».

На должности аудитора 11 линейного батальона Куратов прослужил три с лишним года. Он вёл следственные дела о хищениях, растратах казённого имущества, злоупотреблениях станичных администраций, участвовал в ревизиях и проявил себя как толковый специалист и честный человек. Уже в 1869 году военный губернатор Колпаковский представил его за «отлично-усердную службу» к ордену Святого Станислава третьей степени²⁶. Это была высокая награда, причём представление к ордену второй степени уже давало право на получение наследственного дворянства. 3 марта 1871 года приказом Туркестанского генерал-

²⁴ Спивак Р.С. Русская философская лирика. Проблемы типологии жанров. Красноярск, 1985. С. 18.

²⁵ Федорова А.Н. И.А.Куратов. Очерк жизни и творчества. Сыктывкар, 1975. С. 41 (183); Ванеев А.Е. В поисках истины. Сыктывкар, 1989. С. 117.

²⁶ Ивлев Н.И. Указ. соч. С. 43.

губернатора Кауфмана Куратов был переведён из батальона в распоряжение губернатора области на должность младшего чиновника особых поручений²⁷. На этой должности он исполнял обязанности уездного судьи, прокурора, следователя, по следственным делам объездил всё Семиречье. Он считался опытным юристом, профессионалом своего дела, дослужился до чина титулярного советника (офицерский чин – капитан) и был представлен к ордену Святой Анны третьей степени²⁸. Карьера Куратова была успешной, его ценило руководство края, уважали друзья, наверняка он поднялся бы высоко по служебной лестнице, но помешала преждевременная смерть от туберкулёза. 19 ноября 1875 года И.А. Куратов не стало, развёрнутый некролог о его смерти за подписью Л. С-н был опубликован в газете «Туркестанские ведомости» 2 января 1876 года.

Семиреченский период творчества Куратова самый продолжительный по времени – целых восемь лет. Количество произведений, написанных в этот период, сравнительно невелико. Всего насчитывается порядка 63 стихотворений, датируемых 1868-1875 годами. Творчеству мешала работа, требовавшая полной отдачи и почти не оставлявшая свободного времени для поэтических занятий. Тем не менее Куратову удаётся выкраивать время для стихов, а кроме того, он работает над переводом на коми язык Нового Завета и коми-зырянской грамматикой, которую предполагал издать в Верненской типографии в год своей кончины. Творческий диапазон этого периода достаточно широк. По-прежнему в центре поэтического мира Куратова коми люди: в созданную ранее галерею крестьянских типов он включает новые образы – это старик, проживший, на его взгляд, слишком долгую жизнь и считающий, что смерть обходит его за какие-то грехи, в стихотворении *Пӧрысь олӧм* – «Жизнь старика» (1870); юная коми девушка, мечтающая о своей первой любви (*Том ныв* – «Юная девушка» (1870)); нищие (*Синтӧм корысь* – «Слепой нищий» (1874)). В этом же цикле трогательное наставление матери к своей юной дочери-невесте (*Мам* – «Мать» (1875)) и ироничное по форме *Важся коми войтырлӧн кодралӧм* – «Поминки древних коми» (1875), сюжет которого строится вокруг идеи лучшей загробной жизни. Парадокс в том, что она скучна, и если бы на этом свете жилось счастливо, никто бы и не желал счастья того света. Большая часть любовных стихотворений Куратова написана в жанре, сочетающем признаки мадригала и эпиграммы, – это миниатюры, в которых восхваление женщины проникнуто тонкой иронией²⁹: *Миян сёрни вӧли дольд* – «Наш разговор был весёлым» (1868), *Идеал тэ менам, Анна* – «Анна, ты мой идеал», *Ме философ этианика* – «Я немного философ», *Комильфояс, франтъяс* – «Комильфо и франты» (1869), *Король дӧнын медэль* – «Мэдэль возле короля» (1869), *Пукалан тэ паськыда и рама* – «Ты сидишь широко и скромно» (1870), *И рам и дольд пыр* – «Скромна и весела всегда» (1874). Однако высшей точки в поэтизации любовных переживаний поэт достигает в стихотворении *Быд мортлӧн, шубӧны тунъяс* – «У каждого человека, говорят астрологи» (1870). Это стихотворение об одиночестве, о невозможности любви, потому что у каждого человека есть только одна звезда где-то высоко в небесах и только одна любовь, но она также далека, как и звезда.

Семиреченским периодом датируется ряд произведений гражданской тематики. Это стихотворения *Европалы* – «Европе» (1869), *Кор войписны-керисны Лессинг, да Шиллер, да Гёте* – «Когда творили Лессинг, и Шиллер, и Гёте» (1870), *Оз шу нин миянлы кыв Егова* – «Не скажет уже нам ни слова Иегова» (1874), *Важн узьӧ сьлӧн мывкыд* – «Давно спит его ум» (1874-1875). Эти стихотворения представляют собой отклики Куратова на различные гражданские и политические проблемы. К примеру, стихотворение «Когда творили Лессинг, и Шиллер, и Гёте», представляющее размышление о том, как меняется характер государства, когда в нём меняются культурные приоритеты: если при Лессинге,

²⁷ Там же. С. 51.

²⁸ Этот орден давался за заслуги офицерам не ниже штабс-капитана, прослужившим восемь лет.

²⁹ Дёмин В.Н. История и типология жанров коми поэзии. Сыктывкар, 1997. С. 58.

Шиллере и Гёте Германия стремилась стать Афиной-Палладой, то после их смерти она становится солдаткой. И становится страшно от улыбки солдатки, неизвестно, о чём она думает в этот момент. К произведениям гражданского звучания примыкают стихотворения, в которых Куратов пытается осмыслить свою жизнь и своё предназначение в этой жизни. Лирический сюжет стихотворения *Пасътавмысьт вьль паськõм* – «Надев новую одежду» (1868-1869) строится как интерпретация фактов биографии самого Куратова: работа учителем, затем «игра в жмурки с Фемидой» – подготовительные этапы к самому главному в жизни. Сейчас поэт слышит в себе огромную силу против зла и надеется, что настанет лучшее время. Но если он умрёт, то люди не скажут, что он сделал много добра и имя его гремело. И только могильщик промолвит, что людям несли радость его слова.

Это стихотворение выглядит как подготовительный эскиз к поэме *Пасъяс синтõмлõн* – «Записки слепого» (1870-1874). Мотив слепоты для мифопоэтики Куратова является сквозным, и это не случайно, учитывая его богословское образование. Конечно, ему было известно теологическое противопоставление обычного зрения духовному, способному видеть Божественный свет. В поэме противопоставление физической слепоты и духовного зрения является основной темой, лейтмотивом проходящей сквозь все сюжетные перипетии. Поэма интересна уже тем, что включение в ее композицию автобиографических посылок позволяет связать образ лирического субъекта поэмы непосредственно с самим Куратовым, так что в образе *слепого* определенно угадывается сам автор. Жизнь предстает перед лирическим героем как *игра в жмурки* (*быдса гораньõн ме ворслі* – «всю жизнь я играл в жмурки»), где повязкой на глазах водящего служат те или иные жизненные приоритеты, в зависимости от возраста. В четырнадцать лет глаза повязывались омофором или ораром, чуть взрослее – и омофор меняется женским боа, далее, ставшему юристом герою повязку на глаза накладывает слепая Фемида. Однако эти повязки скрывают от героя и смысл его жизни, и только став слепым, он начинает его постигать. Жизнь лирического героя как бы делится на два периода: период зрячести, характерный духовной слепотой, и период слепоты, когда герой обретает духовное зрение, *зрение сердца*. В своих принципиальных особенностях образ слепого соответствует концептуальному образу *поэта* в поэтическом мире Куратова. Слепой, как и поэт, выделен из общества, одинок (его окружают зрячие, но духовно слепые люди) и обладает пониманием высших смыслов, недоступных окружающим. В образе слепого угадывается и реминисценция к образу ослеплённого Самсона, созданного Куратовым десятью годами ранее. Но если в Самсоне поэт воплотил идею разрушающей силы обретающего свободу таланта, то в поэме слепота, открыв духовное зрение, не даёт лирическому герою избыточных сил. Ослепнув, поэт обнаруживает, что мир заполнен злом, символическим воплощением которого являются гарпии, но не может противопоставить им силу и видит выход только в смерти, в могиле.

Кроме «Записок слепого» Куратов задумывал написать большую поэму *Яг морт* – «Лесной человек» (1870-1875). Известно, была ли закончена поэма, поскольку среди рукописей были обнаружены только несколько отрывков. Судя по всему, поэма предполагала панорамный охват всей жизни коми народа, где исторические и мифологические факты объединялись в составе единого сюжета. Сюжет поэмы был подсказан публикацией коми фольклорного предания в литературной обработке М.Ф. Истомина в Архангельских губернских ведомостях³⁰, но для Куратова сам фольклорный сюжет является только поводом для более общих рассуждений о судьбе коми народа, о его национальном характере. Сходная концепция была реализована в драматической поэме «Пама», от которой также сохранились только отрывки.

Очевидно, мотив скорой и преждевременной смерти, появившийся в поэтическом мире Куратова в конце 1860-х гг., был как-то связан с состоянием здоровья самого Куратова.

³⁰ Лимеров П.Ф. Примечания и комментарии // Му пуксьõм – Сотворение мира: мифология народа коми. Сыктывкар, 2005. С. 567.

Еще в Усть-Сысольске он пишет короткое стихотворение *Висьём* – «Болезнь» (1865) и переводит его на русский язык:

*Мне тяжко слово молвить,
 Чахотка давит грудь...
 Но и земля придавит,
 Да стерпишь как-нибудь!*

Чахотка здесь не более чем поэтический образ, но через 10 лет в Верном поэт умрет именно от чахотки... В целом, образы болезни и скорби, иссушающие тело лирического героя, играют довольно заметную роль в поэтической мифологии Куратова и парадоксальным образом сочетаются с идеей творческого горения. Можно сказать, что скорби, болезни и ранняя смерть являются следствием служения музе и даже входят в концепцию творчества. «Жизнь хоть мне и дорога, // *Но жить устал страшно.* // Немного веселиться, // Легко грустить, // Не работать до усталости, // Чтобы не падать от работы, – // Все это хорошо, // Но характер не таков, что поделаешь!» (1869). Поэт не может жить *слегка, в меру*, творчество – это тяжкий труд, требующий от него полной отдачи, но это является и причиной его усталости от жизни. Через год эта фраза повторяется в поэме «Записки слепого» (1870-74), причем слово «устал» здесь повторяется дважды: «Эх, хотя жизнь мне и дорога, // *Жить устал, устал сильно...*». Скорби и болезни, иссушающие тело лирического двойника поэта, будто бы иссушили тело и самого Куратова. Появилась смертельная усталость от жизни, болезни, словно перекинувшиеся к поэту из его стихов, от его лирического героя. В письме брату, написанном незадолго до смерти, Куратов пишет: «С 24 ноября не выхожу из дому, повинуюсь врачам и слабея день ото дня. Чем же я болен? Этого я, кажется, не поведал в предыдущих письмах. Страна теплая, жизнь трезвая... чем же я болен? Во время командировки в Кульджу, назад тому года три, я простудился, и с тех пор лихорадка изнурила меня, действуя летом и зимою. Следствием столь продолжительной лихорадки была чахотка. Впрочем что же. Не по своей воле человек начинает жить и умереть должен поневоле. А между тем я *так устал жить...*»³¹. И всё-таки смерть наступила слишком рано, остались нереализованными планы, идеи.

Лев Самарин, автор некролога в «Туркестанских ведомостях», пишет: «Последние годы он главным образом посвятил переводу на зырянский язык Евангелия (именно Евангелия от Луки). Труд этот снабжён громадным числом филологических комментариев, доказывающих не только глубокое знакомство Куратова с языком и бытом зырянского народа, но и немалую эрудицию. Кроме того, в числе рукописей покойного найдено немало оригинальных и переводных стихотворений на зырянском языке, опыт толкового зырянско-русского словаря, грамматика зырянского языка и целый ряд этюдов». Нам хорошо известно, что за несколько месяцев до смерти Иван Алексеевич собирался испросить разрешение у главного начальника края на отпечатание в местной типографии зырянской грамматики, и только поход в Коканд и усилившиеся страдания помешали Ивану Алексеевичу осуществить задуманное намерение»³².

Рукописи Куратова были отправлены его племяннику Н.А. Куратову, в то время студенту Санкт-Петербургского университета. До начала 1920-х гг. рукописи хранились в домашнем архиве его брата, С.А. Куратова, а в 1923 году оказались в поле зрения известного учёного, лингвиста и этнографа А.С. Сидорова³³. С этого времени начинается публикация художественного наследия первого коми поэта.

г. Сыктывкар

³¹ Неотправленное письмо брату // Куратов И.А. Ты бесконечна, жизнь // Сост. В.И. Мартынов. Сыктывкар, 1988. С. 100.

³² Иван Алексеевич Куратов. Некролог // Куратов И.А. 1988. С. 148.

³³ В.И. Мартынов. История открытия и изучения рукописного наследия И.А. Куратова // Куратовские чтения. Сыктывкар, 1990. Т. 6. С. 34.